

Имагинативная драма. Субъект-объектное соблазнение

Богдан Юрьевич Громов
(р. 1989) – философ,
доцент кафедры фило-
софии и общественных
наук Мининского уни-
верситета (Нижний
Новгород).

Эта статья посвящена тому, как именно, исходя из каких предустановок, в какой очередности этапов, с чьим участием развиваются действия по созданию у субъекта образа объекта, то есть как происходит действие субъективного воображения, как развивается имагинативная драма. Слово «драма» здесь не несет никакой эстетической коннотации, не предполагает зрителя, режиссера, хора, сцены, актеров – оно означает буквально «действие». Концептуальная метафора драмы призвана изобразить процесс воображения как завершённое действие нескольких участников представления объекта. Такое упрощённое понимание драмы модифицирует схему Ирвинга Гофмана, развитую в работе «Представление себя другим в повседневной жизни»¹.

Философию, которая исследует всю протяжённость воображения, реальность воображаемых объектов, их жизнь и возникновение, мы называем *имагинативной* философией. Само понятие «имагинативная философия» заимствовано у Якова Голосовкера. Основные темы его философии – реальность бессмертия, реализм характера и имагинативная реальность – будут развиты далее.

ОБСУЖДЕНИЕ «ВРОЖДЕННЫХ» ИДЕЙ В СВЯЗИ СО СПОСОБНОСТЬЮ ВООБРАЖЕНИЯ

Первое, что следует узнать о месте объекта, – это ответ на вопрос: есть ли объект что-то внешнее по отношению к воспринимающему его субъекту, или субъект сам есть условие этого восприятия, и, таким образом, объект не есть нечто из внешнего окружения (среды) субъекта. Исходит ли действие объекта извне, как, например, жар огня, или изнутри, как жар лихорадки? Следует ещё подробнее уточнить этот вопрос, указав на его исключительно «знаниевое» измерение, отождествив объект и знание об объекте. Приведем здесь уточнение Чарльза Пирса: «Ничто вне сферы нашего знания не может быть

¹ См.: ГОФМАН И. *Представление себя другим в повседневной жизни*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000.

нашим объектом, так как ничто из того, что не воздействует на наше сознание, не может служить мотивом психического усилия»². В этом уточнении важно указать на основную характеристику объекта – активность. *Объект обладает активностью*, в указании Пирса это воздействующая активность, предполагающая пассивность воспринимающего сознания. Не свойства объекта, а его действие – вот что мы действительно воспринимаем первым или, по меньшей мере, о чем говорим в первую очередь. Мы сначала говорим «тело покоится», а потом говорим, что тело есть. Первое знание об объекте – это знание о его действиях.

Далее следует сделать еще одно уточнение по поводу не определенных до сих пор отношений субъекта и объекта: что же они такое есть? Первое, что нужно подразумевать под ними, что это отношения восприятия и связанные с ними отношения познания. Следующее, о чем следует помнить, – это поочередная смена причинения на претерпевание, активности на пассивность. Субъект проявляет познавательную активность, претерпеваемую объектом; объект воздействует на воспринимающий воздействие субъект. Важно, что активность действующего лица (нечто вроде свободы) должна быть учтена как для субъекта, так и для объекта. Олицетворения вроде «объекты внешнего мира воздействуют на наши органы чувств» не являются случаем речевой ошибки, какой-то неточности выражения – а наоборот, составляют важнейшее условие для того, чтобы концептуальная метафора имaginативной драмы сохраняла свою выразительную силу.

Возможно, что действия объекта так же составляют его внешнее, как внешнее для субъекта составляют объекты, объективная реальность. Можно вспомнить мысленные опыты с кусочком воска, которые по очереди проводят Декарт³ и Локк⁴. Желая достигнуть «ясного и отчетливого» знания воска (Декарт и Локк говорят об «идее» воска), они последовательно отделяют от воска, воплощенного в кусочке, все то, что составляет это самое индивидуальное «бытие кусочком воска»: запах меда, меру теплоты и твердости, меру текучести, плавкость, звонкость при ударе пальцем. То же самое Локк мысленно производит с кусочком сахара: он его колет, растворяет, освещает, пробует на вкус. Декарт и Локк отделяют способы, которыми объекты действуют на воспринимающего их субъекта, от самого бытия объекта. Этим действием они создают мыслимое пространство, в котором можно образовать идею «радикально внешнего объекта познания», самой объективности, субстан-

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

2 Пирс Ч.С. *Закрепление верования* // Вопросы философии. 1996. № 12. С. 107.

3 ДЕКАРТ Р. *Размышления о первой философии* // Он же. *Сочинения: В 2 т.* М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 42.

4 ЛОКК Дж. *Опыт о человеческом разумении*. М.: Мысль, 1985. С. 303.

ции. Так ли мы станем думать об объектах? Будем ли мы считать, что внешнее бытие объекта абсолютно независимо от восприятия чувствами?

К уточнениям относительно существования объектов вовне субъекта следует добавить вопрос о том, что же такое есть пространство, в котором сближаются внутреннее и внешнее. Здесь следует вспомнить картезианское учение о врожденных идеях, но в связи с его трактовкой, данной Карлом Поппером в лекции «Некоторые замечания о проблемах и о росте знаний».

«Я утверждаю, что всякое животное появляется на свет с ожиданиями или предчувствиями, которые могут быть сформулированы как гипотезы, – с некоторого рода гипотетическим знанием. И я утверждаю, что в этом смысле мы в какой-то мере обладаем врожденным знанием, которое, если и не вполне надежно, все же может служить отправной точкой. Если эти врожденные ожидания не оправдываются – это и есть наши первые *проблемы*, и можно сказать, что дальнейший рост наших знаний состоит из изменений и исправлений нашего первоначального знания»⁵.

В такой сверхупрощенной модели познания мы наблюдаем странное познавательное действие – ожидание. Поппер сравнивает ожидание с гипотезой, но не с объяснением. То есть это ожидание не есть знание, которое принадлежит субъекту или составляет богатство его опыта. Это еще только ожидание, но не самого объекта, а только исполнения обещания, данного объектом. Ожидание это принадлежит как субъекту, так и объекту, оба лица ожидают события, в котором предчувствие будет подтверждено или опровергнуто. Здесь уместно сравнение знания с рождением ребенка: как нечто новое, он принадлежит и обоим порождающим, и сам себе. Знанию суждено разрешиться к истине или лжи и обрести собственное бытие, но пока оно есть лишь напряжение ожидания. Гипостазированное, предположенное знание уже имеет образ, этот образ конкретен, хотя его отношение к бытию еще загадочно, поскольку истина и ложь пока не определяют черт этого образа-ожидания. Беркли, говоря о способности «вообразить себе объект»⁶, указывал на то, что невозможно вообразить объект без заранее известных качеств. Предположение о существовании объекта есть предположение о его свойствах. Если это треугольник, то он равносторонний или прямоугольный; если это человек, то толстый или худой; если правитель, то добрый; если дар, то ценный. Ожидаемый объект имеет место и пространство, он пока не имеет прошлого, но имеет некоторое будущее-прошлое, бытие в модусе сбывающегося.

5 Поппер К. *Объективное знание. Эволюционный подход*. М., 2002. С. 250.

6 Беркли Дж. *Трактат о началах человеческого знания*. М.: Наука, 1978. С. 93–94.

Предчувствие, гипотеза, с которой рождается драма знания и с которой начинается история субъекта, – это знание обещания, данного относительно явления объекта, а обещание это таково: объект явится, и объект будет таким, каким его ждут. Объект подтвердит или опровергнет ожидания субъекта, тем самым создаст знание субъекта, *самое первое воспоминание*, самое первое прошлое. Но действительно первое знание субъекта – это знание будущего, оракул относительно действия объекта. Способность поверить в предречение, вообразить будущие действующие лица и грядущие события, способность «быть ожидающим» событий, сказанных в прорицании относительно прихода объекта, станем называть способностью *воображения*.

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

Уместно сравнение знания с рождением ребенка: как нечто новое, он принадлежит и обоим порождающим, и сам себе. Знанию суждено разрешиться к истине или лжи и обрести собственное бытие, но пока оно есть лишь напряжение ожидания.

ПОВЕДЕНИЕ ОБЪЕКТОВ

Мы описали воображение как пространство, как то, где начинается драматическое действие ожидания, нечто сродное платоновской хóра, о которой говорится как о местности, где рождается все возникающее. В добавление к этому мы говорили о внутреннем и внешнем, о переходах вовнутрь и о прибытии из будущего. Прежде, чем завершить этот очерк имажинативной хорологии, следует сказать о том действии перехода, которое составляет поведением объекта. Какова активность объекта?

Наблюдение драмы познания в выбранной обстановке «внутреннее-внешнее» предполагает, что субъектом и внутренним является человек или сознание. Постараемся забыть об этой априорной человекомерности субъекта, условимся рассматривать субъект как роль, а не как сущность и рассмотрим внешнее всякого сущего и предметность всякого сущего, то есть рассмотрим объект как таковой.

То, что нам уже известно, – это что объекты обещаются быть, создают ожидание. Одно из действий объекта – он обещает исполнение нужды, которую субъект уже имеет и с которой ожидает объекта. «Ожидать исполнения нужды» – это социальная ситуация, походящая на интеракцию религиозной мольбы: один ждет, просит, нуждается; второй имеет, хранит, дарит.

Рассматривая это сравнение, можно понять, что обещает объект: он обещает *наслаждение*. Исполнение этого обещания понимается тут двояко: как действие обещавшего, реализация воли исполнить обещанное – и как претерпевание нуждающегося, как восполнение той нужды-нехватки, побудившей к ожиданию.

Действительно важным для знания о любом объекте является знание стабильного, повторяющегося, закономерного поведения. Знание повторения представляет себя неслучайным, ценным, то есть истинным. Истина об объекте – это такое знание, которое «относит себя к этой вещи как только представит себе ее и о представленном сможет сказать, чем следует руководствоваться каждый раз при подходе к нему»⁷. Истина объекта есть его поведение, то есть сама объективация, оформление, определенность, повторяемость, ожидаемость. Поведение есть выражение объективной истины и индивидуального характера, упорство объекта в самости⁸. Однако эта самость не для себя, а для представления. Поведение представляется ожиданию.

Поведение пресуппонирует мышление в категориях «внутреннего-внешнего»: «не потому его любят любящие, что оно любимое, но оно любимое, раз его любят»⁹. Это едва схватываемое языком различие между тем, где объект проявляется, и тем, где объект наблюдается, составляет основу для истолкования поведения. Наблюдаемое поведение объектов составляет тотальную непроницаемость внешности и создает условия для гипостазирующего ожидания проявления до поры сокрытой внутренней природы. Такое, а не иное поведение объекта складывает фантазм подлинности, настоящего, тайны. Мы зрим открытое и подозреваем сокрытое.

Своим поведением объект воспроизводит концептуальную потребность мышления в семанте субъекта: объект ведет себя, а значит, он сам субъект; объект ведет себя по отношению к..., а значит, он пресуппонирует субъект как необходимую инстанцию в траектории своего поведения.

Приведем сходный пример объективации: «Восприимчивость животного к особому качеству в объекте придает объекту, в его связи с животным, особую природу»¹⁰. Эта цитата из Джорджа Мида схожа с приведенным ранее высказыванием Поппера: речь идет о соотносительности живого с чем-то иной природы,

7 Хайдеггер М. *О сущности истины* // Он же. *Разговор на проселочной дороге: избранные статьи позднего периода творчества*. М.: Высшая школа, 1991. С. 14.

8 Он же. *Изречение Анаксимандра* // Там же. С. 28–68.

9 Платон. *Евтифрон* // Он же. *Собрание сочинений: В 4 т.* М.: Мысль, 1994. Т. 1. С. 306.

10 Мид Дж.Г. *Бихевиористское объяснение значимого символа* // Он же. *Избранное: сборник переводов*. М., 2009. С. 45.

с внешним; также эта (бихевиористская) модель включает в себя особенное отношение ожидания в форме восприимчивости этого конкретного живого. Данный объект оказывается предзаданным, а субъект предуготовленным к ожиданию. Восприимчивость субъекта есть его реакция-до-стимула, предрекающая поведение того или иного объекта.

БОГДАН ГРОМОВ
ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.
СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ
СОБЛАЗНЕНИЕ

«Поведение есть сумма реакций живых существ на их среды, особенно на объекты, которые... их связь со средой “вырезала из нее”. Среди этих объектов некоторые обладают особой важностью: это другие живые формы, принадлежащие к той же группе... Эти другие живые формы, входящие в группу, к которой принадлежит организм, могут быть названы социальными объектами и существуют как таковые прежде, чем возникают Я. Их жесты вызывают определенные и у всех высокоорганизованных форм частично предопределенные реакции, например, относящиеся к полу, родительству, враждебности, а также, возможно, другие, как, например, так называемые стадные инстинкты»¹¹.

Мид отмечает, что основание для объективации объекта – «частично предопределенные реакции». Это очень лаконичная характеристика всего, что нужно знать для идентификации объекта и отнесения его к группе подобных, а значит – и для суждения о том, есть объект или не есть. Единственное условие события истины – знание предопределенных реакций, то есть знание поведения объекта в связи с субъектом, знание обещаний объекта. Еще одно важное условие для определения социального объекта – это не наличие множества объектов, не их общение, а наличие отношения тождества, сходства, то есть его определенность. Социальным объектом является тот, что демонстрирует стабильность, частичную предсказуемость поведения. Под такое определение социального объекта подходят атомы, города, институты, кошки, люди, армии, политические партии, рекламные кампании товаров, древние боги и герои и так далее. Под такое определение не подходят бог, земля, времена года, стороны света, субстанция, эссенция, магнитные поля и так далее.

ТОЖДЕСТВО ОБЪЕКТОВ ВНУТРИ И ВОНЕ ВООБРАЖЕНИЯ

Повторим еще раз допущение, сделанное ранее: свойства объекта есть его действия, все вместе они есть его поведение. Поведение объекта есть обещание относительно этих свойств,

11 Там же.

обещание совершить определенные действия, ожидаемые тем, кому это обещание адресовано. Это предполагает адресата, внедряющего, познающего, а познающий предполагает объект познания. Мы подошли к важнейшему условию познания – к тождеству.

Воспользуемся изречением Парменида: «τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι»¹². В переводе Лебедева этот дошедший до нас фрагмент значит: «Одно и то же – мышление и то, о чем мысль». Разберем это высказывание по его смысловым фрагментам:

τὸ γὰρ αὐτὸ – ведь то же самое.

νοεῖν ἐστίν – мыслимое сущее.

τε καὶ εἶναι – и то, что есть.

Первое, что следует отметить в этой строке, – эквивокация бытия и эквивокация тождества. В одном случае бытие – это подлежащее, во втором – сказуемое. Пересказывая фрагмент, мы можем повторить его так: «быть – это то же самое, что быть мыслимым». Эквивокация бытия – это быть субъектом и быть свойством субъекта. Эквивокация тождества – это повторение одного и того же самого, различие случаев повторения и обобщения в границах того же самого.

Правило Парменида представляет собой руководство к тому, чтобы видеть и не видеть объекты. Это правило может быть истолковано превратно как допущение произвола субъекта по провозглашению бытия объектов: «что мыслимо, то и есть» – или, наоборот, как запрет на мышление небывалого: «что есть, то и мыслимо». Что здесь действительно следует заметить, так это указание на зависимость бытия от своей представленности в объектах, νοεῖν ἐστίν, предметах мысли. Бытие в своем целом мыслится от бытия всех мыслимых сущих.

Принцип тождества обычно выражается записью $A=A$. Эта запись – удивительнейший случай графического изображения смысловой и семантической симметрии. Операция по указанию сходства (знак слева похож на знак справа) выдается за наблюдение тождества (знак слева – это знак справа). Удивительно, как линии на поверхности выдают себя за высказывание, ведь в действительности перед нами не запись, а рисунок.

Все же представим снова, что это не рисунок, а последовательность символов. Сколько здесь объектов? Принцип тождества убеждает нас, что здесь один объект. Глаза и умение считать одно за другим слева и направо говорят, что здесь три объекта. Чарльз Сандерс Пирс сказал бы, что здесь «два знака одного типа»¹³. Возможно, следует рассмотреть принцип тож-

¹² Цит. по: ХАЙДЕГГЕР М. *Закон тождества* // Он же. *Разговор на проселочной дороге...* С. 61.

¹³ АРМСТРОНГ Д.М. *Универсалии. Самоуверенное введение*. М.: Канон+; Реабилитация, 2011. С. 31.

дества (одно есть одно и то же) в ницшеанском духе как предположение, провозглашение власти разума над бытием. Ницше в «Воле к власти» пишет:

«Вопрос остается для нас открытым: адекватны ли логические аксиомы действительному, или они лишь масштабы и средства для того, чтобы мы смогли сперва создать себе действительное, понятие действительности?... Но, чтобы иметь возможность утверждать первое, нужно было бы... уже знать сущее, что решительно не имеет места. Это положение содержит в себе, следовательно, не критерий истины, но императив к тому, что должно считаться истинным»¹⁴.

Ницшеанский комментарий превращает могущество принципа тождества в более чем скромный императив: «*мысли, что есть*». Слова «адекватны ли логические аксиомы» указывает, что комментарий Ницше относится не к Пармениду, а к Аквинату. Точнее, к формуле, данной в шестнадцатом вопросе «Суммы теологии»: «Истина есть соответствие вещи и мысли»¹⁵.

Латинское написание формулы выглядит так: *veritas est adaequatio rei et intellectus*¹⁶. Против этого *adaequatio* и направлен выпад Ницше. Перевод *adaequatio* как «соответствие» имеет коннотацию со-отнесенности. Это становится заметным, если привести более широкую цитату из обсуждения вопроса о том, находится ли истина в вещах или только в познающем разуме: «когда говорится, что истина есть соответствие вещи и разума, это можно отнести и к тому и к другому»¹⁷. «Соответствие» – это поведение и вещи, и разума, тождество мысли и бытия есть тождество их соответствующих поведений, их адекватностей. Поведение вещи и поведение мысли – это одно и то же поведение. Созвучие и сходство высказываний Фомы Аквинского и Парменида бросаются в глаза. Приведем высказывания к их семантической эквиваленции.

τὸ γὰρ αὐτὸ = *adaequatio* = соответствие
νοεῖν ἐστίν = *intellectus* = мышление
τε καὶ εἶναι = *rei* = вещи

Вопрос о тождестве – теперь вопрос о месте тождествления одного и того же поведения. Скажем, что событие тождества одного и того же самого происходит в воображении. Дополним высказывание Ницше, сказав, что «понятие действительности»

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

¹⁴ Цит. по: МАН П. ДЕ. *Аллегории чтения: фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. С. 144.

¹⁵ Фома Аквинский. *Сумма теологии. Часть первая. Вопросы 1–64*. М.: Издатель Савин С.А., 2006. С. 225.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 224.

мы создаем в воображении, мыслящем тождество поведения. «Адекватность логических максим» есть следствие воображаемого поведения объектов (данных обещаний наслаждения).

ИМАГИНАТИВНЫЕ ОБЪЕКТЫ

Два момента следует уточнить прежде, чем перейти к описанию реальности воображения, имажинативной реальности. Первый – это момент относительно предикации бытия в изречении Парменида. Мы перевели выше νοεῖν ἐστίν как «мыслимое сущее», обычно это переводят как «мышление» или «мыслить». Хрестоматийный пример этого – перевод Церетели, приводимый Александром Маковельским: «Мыслить и быть – одно и то же»¹⁸. Несмотря на то, что семантемы «мыслить» или «мышление» интуитивно понятнее, на наш взгляд не следует отказываться от перевода «мыслимое сущее», чтобы подчеркнуть наличие в данном подлежащем предиката ἐστίν, то есть «есть», или «которое есть». Бытие выступает предикатом для субъекта νοεῖν, то есть «мыслить» – это инфинитив настоящего времени, указывающий на событие, происходящее сейчас и направленное в будущее¹⁹. Позволим себе сохранить перевод «мыслимое, которое есть». В этом высказывании бытие мыслимого выступает предикатом, указывающим на существование, то есть на то, что «мыслимое, которое есть», на самом деле есть. Это уточнение необходимо для того, чтобы указать на очень особенный и нетривиальный объект – νοεῖν ἐστίν, или «мыслимое, которое есть», мыслимое-реальное.

Восстановим дословный перевод строки Парменида: «Мыслимое, которое есть, есть то же самое, что то, что есть». По принципу противоречия образуем отрицание утверждения Парменида: «мыслимое, которое не есть, не есть то же самое, что то, что есть». Таким образом, получим особое выражение: «Мыслимое, которое не есть». Указав на различие между «мыслимым, которое есть», и «мыслимым, которого нет», получим очерк того чрезвычайно смутного правила реальности, которое положено в само основание европейского мышления. Обнаружение этого слабого места европейского мышления позволяет Ницше обрушить здание логики, вынудив из ее фундамента принцип тождества и принцип противоречия. Смутное правило реальности, ретроспективно обнаруживаемое в стихе

18 Маковельский А.О. *Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. Часть вторая: Элеатовский период*. Казань: Издание книжного магазина М.А. Голубева, 1915. С 55.

19 Атли Б. *Грамматические правила древнегреческого языка* (www.freebiblecommentary.org/special_topics/rus/greek_grammar.htm).

Парменида, становится чуть более заметным, если сопоставить его со схожим «Размышлением» Декарта:

«Из моего представления о Боге как сущем еще не вытекает факт его существования: ведь мое мышление вовсе не сообщает необходимости внешним объектам... быть может, я могу помыслить существование Бога, хотя никакого Бога не существует»²⁰.

Мысль приведенного отрывка – из представления о боге не следует существования бога – диссонирует с мыслью, что если я не могу мыслить бога иначе как сущего, следует, что бытие неотделимо от бога, и, следовательно, он существует²¹. Видимо, есть по меньшей мере две группы способов мыслить: в приведенных отрывках это воля представлять что угодно и способность мыслить предмет мысли тем способом, каким он есть. Действительно Декарт говорит, что из факта «обладания ясной идеей» некоего сущего необходимо следует факт существования этого сущего.

Разделение идей на ясные и смутные, отчетливые и неотчетливые является общим местом для Локка, Декарта, Лейбница и указывает на привилегированные способы, которыми мыслится «мыслимое, которое есть». Схематически это можно представить так: этот объект реален, потому что он мыслится способом, которым мыслится то «мыслимое, которое истинно есть».

Второй момент, который нужно уточнить, – тождество мыслимого в разных модусах. Воспользуемся подсказкой Декарта и укажем на два модуса (способа) существования объекта мысли: представление чего угодно и обладание ясной идеей. Помимо этих двух, к модусам мышления относятся: обладание смутной идеей, восприятие, воспоминание, воображение. Может ли нечто представляемое смутно выйти к представленности в ясной идее? Думается, что это общее место всякого учения о знании и мышлении – вера в то, что сомнение может смениться уверенностью, то есть что статус знания сменится, но предмет знания останется тем же самым.

«Подразумевается, что существуют такие состояния ума, как сомнение и верование, и что возможен переход от одного к другому, причем объект мышления остается тем же самым, и что этот переход подчиняется некоторым правилам, которыми одинаково связаны все умы»²².

В этом фрагменте размышления Чарльза Пирса мы можем четко увидеть, что такое имажинативный объект, или идея (в понимании Локка–Декарта), или мыслимое сущее – это объект,

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

20 ДЕКАРТ Р. Указ. соч. С. 54.

21 Там же.

22 ПИРС Ч.С. Указ. соч. С. 107.

представленный в таких состояниях ума, как сомнение и уверенность. Этот объект зависим от мыслящего, но все же существует объективно, то есть реально. Имагинативный объект реален как объект сомнения или верования.

ИМАГИНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Имагинативной реальностью Яков Голосовкер называет место бессмертной жизни имагинативных объектов. Аргумент Голосовкера в пользу реальности имагинативных объектов можно назвать «аргументом бессмертия»: объект, возникший три тысячи лет назад, сохраняет свою бессмертную жизнь, поскольку остается тем же самым. Это так, поскольку в отношении одних и тех же объектов сохраняются одни и те же практики. Имагинативные объекты воплощаются в произведениях изобразительного искусства, поэмах, философских концепциях и ни в какой момент не становятся чем-то иным. Дриада никогда не становится Химерой. Имагинативные объекты сохраняют *характерное* и благодаря этому сохраняют ясность своей идеи. Даже кентавр, ставший хрестоматийным примером небывалого химерического существа, ни в какой момент не теряет своего характера, не становится смутным. Кентавр может иметь полосатый окрас, но его никогда не спутать с зеброй. Йети, возможно, есть, возможно, его нет, но Леший, Пан, Силен, Фавн, Сатир – все они есть несомненно. Все они бессмертные жители имагинативной реальности, все они самотождественны в своих характеристиках.

Существует логический запрет на метаморфозу характера имагинативного объекта, который мы принимаем как принцип тождества. Прекрасная нимфа Дафна, превращенная в лавр, сохраняет всю ту влекущую красоту, по вине которой она и оказалась превращенной в лавр²³. Красота Дафны не пропадает после превращения в дерево, а наоборот, обретает бессмертие в имагинативной реальности. Такова логика античного мифа по Голосовкеру – метаморфоза представляет собой генезис, то есть рождение. Метаморфность имагинативного объекта или его химеричность и есть его тождество, его бессмертие, потому что именно характерное выражает то, что реально в объекте.

«Термин “имагинативный” означает не воображаемый как “выдуманное”, как некий иллюзорный обман. Оно есть, действительно, нечто, созданное воображением и утвержденное им как бытие, как нечто, сотворенное навеки. Дриада (в принципе) эстетически создана навек. Тут-то эстетика и обнаруживает себя по античному

23 Публий Овидий Назон. *Метаморфозы*. М.: Художественная литература, 1977. С. 45.

образцу как онтология – онтология имажинативного разума – разума воображения»²⁴.

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

Бессмертие имажинативного объекта есть бессмертие его характера, составляющее его тождество. Имажинативный объект «продолжает быть тем же самым все время, пока участвует в той же самой жизни, хотя бы эта жизнь передавалась новым частицам материи, органически соединяемым в такую же постоянную организацию, соответствующую этому виду»²⁵.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ ДРУГИМ

Напомним, что характер имажинативных объектов есть их *поведение* и *обещание*. Теперь исследуем представление объектов: как ведут себя объекты, представляясь субъекту, а затем исследуем субъект таким, каким его антиципирует представляющий себя объект.

Исследовав правило реальности, выраженное в стихе Парменида «одно и то же – мыслить и быть», мы пришли к уточнению, что быть объектом означает быть мыслимым. Добавим к этому, вспомнив еще раз правило представимости Беркли, что быть мыслимым (вообразимым) – это то же, что быть воспринимаемым, то есть быть со-отнесенным с тем, кто мыслит, быть представленным мыслящему в своих конкретных характеристиках.

**Быть мыслимым (вообразимым) – это то же, что
быть воспринимаемым, то есть быть со-отнесенным
с тем, кто мыслит, быть представленным мыслящему
в своих конкретных характеристиках.**

Зададимся вопросом: есть ли что-то во всякой восприимчивости, что сможет быть общим для всякой со-отнесенности? Вернемся к «врожденным гипотезам» Поппера и исследуем нужду субъекта. Чем же представляется объект, со-относя себя с нуждой субъекта? Объект представляет себя благом.

СОБЛАЗНЕНИЕ

Кружным путем наше исследование вновь возвращается к драме субъект-объектного соблазнения. Необходимо оговорить важнейший момент, связанный с ожидающимся переносом нуж-

²⁴ Голосовкер Я.Э. *Избранное. Логика мифа*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. С. 184.

²⁵ Локк Дж. *Указ. соч.* С. 383.

ды на объект. Объекты не нейтральны к субъекту, нейтральные объекты никогда не вели себя так, чтобы стать объектами мышления, а значит, все объекты размещены в мышлении (в имажинативной реальности) в соответствии со своим поведением.

Обещание объекта может быть понято как перенос на него собственной нужды субъекта. Субъект осознает свою нужду, устремляет взгляд вовне, находит объект, ожидает исполнения своего желания от объекта. Кажется это то, что имел в виду Фрейд, когда писал: «“Я” является истинным и первоначальным резервуаром либидо и только от него исходит на объект»²⁶. Первичные вожделения субъекта, толкающие его вовне себя к обещанному в переносе наслаждению, – это то, что Фрейд называет «первичным позывом», Поппер – «проблемой», Мид – «жестом» («жестом половой привычки»), Хайдеггер – «нуждой», Голосовкер – «имагинативным побудом». Конечно, это воображаемое обещание наслаждения в переносе, но это не делает его ложным, ведь «одно и то же – мыслить и быть». Правдоподобность истории отношений субъекта и объекта зависит не от того, какова она *была* в прошлом, а от того, какова она *есть* в памяти, то есть в воображении. Условная ложность воспоминания не отменяет его действительности. Поистине существует ложное действительное, ложное реальное, реальность лжи, в которой мнение мнит свое «мыслимое, которое есть».

В диалоге Платона «Филеб» есть загадочное место. Сократ говорит Протарху: «Имеющий мнение, правильное ли оно у него или нет, в действительности никогда не утрачивает обладания мнением»²⁷. Это мысль содержит сразу три предречения для мыслящего субъекта.

1. *Никто, обладавший мнением, утверждавший нечто, ожидавший чего-то, не станет «не обладавшим мнением», то есть не сменит своей истории.* Так же, как объект есть со-отнесенный с субъектом, так же и субъект есть склонный к объектам или к мнениям об объектах. Склонность есть факт истории субъекта, никто не в силах быть не тем, кем был. Выражения вроде «я стал другим» есть не что иное, как вымышленные факты истории. Ни в чьей истории не записано: «А потом он стал другим». Невозможность утратить обладание мнением есть сама Ананке. Фрейд отмечает это, когда говорит о «демонической» судьбе некоторых невротиков и о вынужденном повторении своего страдания. Склонность субъекта, его судьба – это склонность к своему страданию.

2. *Мнение конкретно, а не абстрактно.* Тот, кто мнит нечто, осуществляет выбор из свойств объекта, исключая для свое-

26 ФРЕЙД З. *По ту сторону принципа удовольствия* // Он же. *Малое собрание сочинений*. СПб.: Азбука, 2012. С. 782.

27 ПЛАТОН. *Филеб* // Он же. *Собрание сочинений: В 4 т.* М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 40.

го мнения те из них, которые противоречат его склонностям. Составление мнения похоже на пародию на свободу, потому что это выбор, сделанный в прошлом, которого уже нет. Так составляется привычка мнить то, а не это, мнить именно такие объекты, составлять свой собственный характер, антиципировать будущие объекты влечения. В привычке мнить так же и закрепляется привычка к тому, чтобы мнить свои удовольствия. Вместе с составлением мнения приходится наслаждаться этим мнимым.

3. *Мнение есть нечто рожденное, то, что Платон называет «относящимся к роду возникающего».* Составленное из меры (количества) и безмерного (качества) мнение имеет внутреннюю согласованность (некоторое количество некоторых качеств), которая отражается в категориях ясного и смутного. Ясная идея мнится согласованной вполне, смутная идея мнится согласованной отчасти. Это однажды рожденное мнение склоняется к тому, чтобы быть истинным или ложным, но не склоняется к тому, чтобы перестать существовать. Мнение лишено влечения к смерти. Живя в имaginативной реальности, все когда-либо мнимые объекты составляют прошлое субъекта. Избавиться от прошлого – это задача, в которой субъект непременно потерпит неудачу, затратив большое количество сил и энергии.

Такова будущая история переноса, составленного субъективным ожиданием, которая и есть судьба субъекта. Важнейшее, что следует отметить в этой разворачивающейся субъект-объектной драме, – это то, что объект в ней представляет благо в форме удовольствия.

«Необходимо утверждать, что все познающее охотится за ним, стремится к нему, желая схватить его и завладеть им, и не заботится ни о чем, кроме того, что может быть достигнуто вместе с благом»²⁸.

Благо – это аспект познания. Всякое познание осуществляется ради блага. Всякое восприятие есть поиск блага, всякое представление перед субъектом есть представление (притворство) благом. Объект плохо или хорошо играет роль блага. А также пугает смертью. Субъект смертен, объект бессмертен. Объект осведомлен о смертности и страхах живого. Объект хранит знание о смерти и сообщает его субъекту, пугая его страданием, представляя страдание как часть порядка реальности.

«Сообразный с природой живого существа путь есть удовольствие... Когда возникший сообразно с природой из беспредельного и предела одушевленный вид, упомянутый раньше, портится, то эта порча причиняет страдание; полное же возвращение к своей сущности есть удовольствие»²⁹.

²⁸ Там же. С. 18.

²⁹ Там же. С. 32.

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

Поведение объекта делает его познаваемым, а познание определяет судьбу субъекта. Совокупность мнений, сформированная в процессе познания (в субъект-объектной драме), определяет все будущие наслаждения.

«В самой душе существует *ожидание* этих состояний, предвкушение приятного доставляет удовольствие и бодрит, а ожидание горестей вселяет страх и страдание»³⁰.

Доступный объект (фетиш) доставляет удовольствие, недоступный объект (табу) обещает удовольствие.

«Сохраненное в бессознательном наслаждение проявляется, например, в наслаждении фиксацией на каком-то объекте или же, напротив, приостановкой воздействия объекта – отстраненного, запретного, табуированного, неприкасаемого. Этот объект – источник бессознательного наслаждения – как бы раздваивается: он существует вовне и внутри, в сознании и в бессознательном, в реальности и в языке. Именно скрытое бессознательное наслаждение делает табуированный объект ценностью, противоречиво соединяющей священное и вызывающее ужас – перед тем, что коренится даже не в самой вещи, в связанном с ней действии»³¹.

Поведение объекта – это соблазнение. В этой связи очень важно сделать пояснение относительно сравнения познания с соблазнением: мы говорим о соблазнении как о первофантазме³², описанном у раннего Фрейда и реконструированном Лапланшем и Панталисом в специальном исследовании³³, посвященном работе фантазмов. Фантазм соблазнения имеет два важных момента для понимания.

Первое – это ретроактивность фантазма. Он разыгрывается дважды: как событие и как воспоминание, при этом именно второе разыгрывание фантазма, мнемоническая реконструкция событий, которые субъекту пришлось претерпеть, реализует власть прошлого над настоящим. Реконструированная в психодраме история давнего претерпевания становится конституентом структуры субъекта в тот момент, когда разыгрывается, и в этот момент складывает прошлое в такое, каким оно и было действительно. Субъект вспомнил, какой он есть, и теперь он такой и есть, каким себя вспомнил.

Второе – это распределение пассивных и активных ролей в переносе и контрпереносе, ретроспективная смена пассивности на активность и вновь на пассивность. Субъект соблаз-

30 Там же. С. 33.

31 РАБАН К. *Разрывы в метафоре: табу, фобия, фетишизм* // Вопросы философии. 1993. № 12. С. 47–51.

32 ЛАПЛАНС Ж., ПОНТАЛИС Ж.Б. *Соблазнение* // Они же. *Словарь по психоанализу*. М.: Высшая школа, 1996. С. 477.

33 Они же. *Первофантазм. Фантазм первоначал. Первоначало фантазма* // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А.В. Россохина. СПб.: Питер, 2005. С. 244–274.

нения переживает испуг и вину вместе с наслаждением. Роль соблазненного – это роль активно-пассивная по отношению к активности соблазнителя: как претерпевание она пассивна, как восприятие она активна. Таким образом, наслаждение становится и запретным, и ложным, но даже ложное наслаждение не перестает мниться в качестве такового.

«Сцена соблазнения переживается пассивно, но это означает не только пассивное поведение субъекта, но и его неспособность к живой реакции при отсутствии соответствующих сексуальных представлений; пассивность – это свидетельство неподготовленности»³⁴.

Вот здесь и происходит история: она становится прошлым тогда, когда вспоминается и разыгрывается как прошлое, но само историческое событие, истина субъект-объектного отношения привносится в доисторию субъекта.

Это очень похоже на истории Эдипа или Медеи: истинное знание открывается именно как знание меры страданий и меры ложной надежды – и только для того, чтобы принести горе (травму). Больше надежды – больше страданий. Воображаемое горе оказывается самым реальным и самым настоящим во всей истории субъекта. Познание разыгрывается как узнавание³⁵ того, что и так известно заранее. Описав историю субъекта как его доисторию, привнесенную в его воображаемое, мы должны задаться вопросом: а возможно ли вообще познание нового или только вынужденное повторение одного и того же?

ТРАГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

Таково трагическое познание, мораль имажинативной драмы – это познание того, что не изменить, и того, что лучше не знать. Со-отнесенность трагического познания с познающим в том, что его «полезнее не слышать», трагическое познание вредно для инстинкта жизни, потому что представляет жизнь как напряжение, самообъективацию, удержание себя в драме фантазмов ради «продления смертного пути»³⁶. Понятие трагического познания дано Ницше в работе «Рождение трагедии из духа музыки». В ее поздней редакции он добавил подзаголовок «Эллинизм и пессимизм». Исключительный греческий талант страдания открывает драматическую истину трагедии. История субъекта есть форма обмана. Вина за этот обман перекладывается субъектом на объект как вина за льстивые обеща-

БОГДАН ГРОМОВ

ИМАГИНАТИВНАЯ ДРАМА.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ

СОБЛАЗНЕНИЕ

³⁴ Они же. *Соблазнение*. С. 477.

³⁵ Аристотель. *Поэтика*. Л.: Academia, 1927. С. 120.

³⁶ ФРЕЙД З. *Указ. соч.* С. 777.

ния, данные поведением объекта, и объектом – на субъект, как вина за дурные склонности субъекта, а истина сбывается только в оценке надежды как ложной надежды. Ницше передает слова трагического познания, адресованные природой человеку: «Наилучшее вполне достижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем. А второе по достоинству – скоро умереть»³⁷. Смерть – это имажинативный объект и как таковой это высший объект влечения.

В связи со сказанным важно уточнить определение понятия «имажинативный». Согласно Голосовкеру, имажинативный не означает воображаемый как «выдуманый», но исходя из изложенного выше имажинативный означает именно «выдуманый», но «выдуманый для», «выдуманый с каким-то замыслом». «Имажинативный» означает не столько воображаемый, сколько воображенный, то есть реальный, «мыслимый, который есть», порожденный мышлением воображения. Думается, что приведенных аргументов достаточно, чтобы считать объекты воображения реальными. Имажинативный объект имеет жизнь и место, а значит, имажинативная философия имеет предмет и область.

37 Ницше Ф. *Рождение трагедии из духа музыки. Эллинизм и пессимизм* // Он же. *Собрание сочинений: В 5 т.* СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. Т. 1. С. 40.